

УДК 2:327.2

doi: 10.18101/2305-753X-2017-2-14-18

**МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ В ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКОМ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ: МИГРАЦИОННЫЕ,
АДАПТИВНЫЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**© **Абасва Любовь Лубсановна**

доктор исторических наук, профессор
главный научный сотрудник Отдела философии, культурологии и религиоведения
Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской Академии наук
E-mail: luba-abaeva@mail.ru

Статья выполнена при поддержке Российского научного Фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», №14-18-004444.

Религиозная культура насельников Евразийских степей до адаптации ими мировых религий, т.е. до и после проникновения таких мировых религий как буддизм, христианство и ислам, в какой-то степени носила общие типологические характеристики, относящиеся к их социальным, экономическим и политическим особенностям, образу жизни, климату, системы жизнеобеспечения, нормам повседневного поведения, выработанными веками. Историческое взаимодействие многочисленных этнических субстратов Великой Степи (тюрки, маньчжуры, монголы и др.) и их культурных традиций способствовало не только обогащению и синтезу не только конкретных религиозных традиций и воззрений, но и также и эволюции их религиозной культуры от низших форм к высшим, а значит и развитию, совершенствованию всей религиозной системы народов Внутренней Азии. Преемственность наиболее общих парадигм религиозной культуры этого региона и их историческая устойчивость диалектически сочетались с процессами ее поступательного развития, в котором опыт предыдущих стадий, все его достижения не отбрасывались, а сохранились и синтезировались в целостную систему религиозного сознания и поведения.

Ключевые слова: миграционные потоки, адаптация, кочевники, мировые религии – буддизм, христианство, ислам, манихейство в ареале обитания кочевой культуры.

Исследование религиозных традиций народов Внутренней Азии, эволюция и трансформация их этнокультурных и конфессиональных компетенций и ситуаций в результате интер-и-кросскультурных контактов с соседними и сопредельными территориями представляет, на наш взгляд особый интерес, так как в данном случае здесь фиксируются практически все процессы, связанные с коммуникативными, трансляционными, адаптационными и цивилизационными возможностями конкретно каждой этнокультурной традиции, конкретно каждого этноса Евразийской степи. Религиозная культура насельников Евразийских степей до адаптации ими мировых религий, т.е. до и после проникновения таких мировых религий как буддизм, христианство и ислам, в какой-то степени носила общие типологические характеристики, относящиеся к их социальным, экономическим

и политическим особенностям, образу жизни, климату, системы жизнеобеспечения, нормам повседневного поведения, выработанными веками.

Уровень развития каждой конкретной этнокультурной общности региона Внутренней Азии, несомненно, фиксирует на современном этапе изменение тех методов и способов регуляции религиозной системы, которые на данном этапе соответствовали бы и являлись бы органичным в ценностном ядре культур различных этносов. Историческое взаимодействие многочисленных этнических субстратов Великой Степи (тюрки, маньчжуры, монголы и др.) и их культурных традиций способствовало не только обогащению и синтезу не только конкретных религиозных традиций и воззрений, но и также и эволюции их религиозной культуры от низших форм к высшим, а значит и развитию, совершенствованию всей религиозной системы народов Внутренней Азии. Преемственность наиболее общих парадигм религиозной культуры этого региона и их историческая устойчивость диалектически сочетались с процессами ее поступательного развития, в котором опыт предыдущих стадий, все его достижения не отбрасывались, а сохранились и синтезировались в целостную систему религиозного сознания и поведения.

Многочисленные реликты буддийских артефактов в Каратепе позволили археологам – установить хронологические рамки проникновения этих буддийских артефактов на эту территорию; антропологам – проанализировать культурные контакты Бактрии с буддийскими культурными и художественными центрами; искусствоведам – оценить специфику производства этих буддийских артефактов, вплоть до орнаментики, а также провести компаративистский анализ этих предметов в аспекте взаимовлияния и взаимопроникновения художественных традиций, т.е. – кросскультурные контакты – индийской, пакистанской, бактрийской, гандхарской, кушанской и многих других художественных школ. Но особенно впечатляет, что многие искусствоведы находят в этих буддийских предметах и греческие и эллинские влияния. Хотя возможен и другой вариант – обратный.

Миграционные потоки вдоль Великого Шелкового пути с Востока на Запад и с Запада на Восток позволили многим миссионерам, представителям таких мировых религий как буддизм, христианство и ислам транслировать эти религиозные традиции новым адептам, населенникам евразийских гор и степей. И здесь возникает достаточно интересная проблема, – какова была их потенциальная возможность адаптировать свои традиционные обряды, ритуалы и обычаи к инновационным практикам мировых религий. Оговорившись, что это требует отдельного комплексного исследования, добавим, что в результате наших полевых исследования среди монгольских народов в Монголии, Внутренней Монголии КНР, Бурятии, Тыве и Калмыкии, уже можно предварительно констатировать, что каждая конкретная этнополитическая, этноэкономическая и этноконфессиональная общность Великой Степи адаптировала многие этнокультурные традиции, инновационные для них, в соответствии сложившимся в локусе их бытия традиционному миропониманию, мироощущению, мировоззрению и традиционной картине мира.

Мы уже писали, что исторически вдоль Великого Шелкового пути фиксируется очень много различных буддийских памятников, свидетельствующих не только о проникновении буддийской культуры непосредственно из северной Ин-

дии, но и о действующих буддийских монастырях, фиксирующихся I-III веками н.э. Ведь от момента проникновения буддийских теорий и практик в регионы Внутренней Азии вдоль Великого Шелкового пути до появления буддийских монастырей и комплексов и интерьерами в указанном регионе должно было пройти немало веков. Кроме того, северные представители протомонгольского этноса, впоследствии оформившиеся как кереиты, считались адептами несторианского течения такой мировой религиозной традиции как раннее христианство. Учитывая, что протомонгольская метаэтническая общность и общности ее сопредельных территорий на раннем этапе своих кросс-и-этнокультурных контактов мигрировали по достаточно обширному локусу Внутренней Азии, можно констатировать, что именно вдоль Шелкового пути мигрировали многочисленные миссионеры, представители различных религиозных конфессий, достаточно успешно пропагандируя и распространяя основные постулаты той религии, адептами которой они являлись [1, с. 23; 3, с. 557]. Однако здесь мы бы хотели также остановиться и на проблеме адаптации монгольскими народами буддийской теории и практики. Наша гипотеза состоит в том, что, возможно, с буддийской культурой многие монгольские народы были знакомы через интеркультурные связи с уйгурской религиозной культурой, которые уже в VIII веке н.э. считались адептами буддизма. Уйгуры исторически являются насельниками Таримской долины, ограниченной горной системой Тянь-шаня и Каракорум, в Джунгарии, в долине реки Или, в районах, примыкающих к Иртышу и Балхашу, в Южной Сибири, в долинах рек Селенга, Орхон, Тола, Керулен и на севере современных провинций Китая Шаньси и Шэнси. В современной административной структуре КНР также имеется и Синьцзяно-Уйгурский автономный район, основная масса насельников которого на современный период является адептами ислама. Но мы говорим об уйгурах, бывших уже в VIII веке последователями буддийской теории и практики. Дело в том, что некоторые буддийские источники на монгольский язык впервые переводились именно с уйгурской письменной традиции, а не с тибетской, как утверждают многие исследователи, которая как основная гипотеза существует до сих пор в российском востоковедении в целом, и в монголоведении в частности. На наш взгляд именно уйгурский вариант буддийской теории и практики был в свое время знаком и адаптирован некоторой частью монгольских народов – особенно северному его ареалу [2, с. 95].

Несмотря на «маргинальное» присутствие христианской традиции и «лимитированные» контакты со средневековой Европой, западноевропейские исследователи в настоящее время уделяют большое внимание исследованию реликтов христианских традиций в Китае, т.е. во Внутренней Монголии [5, с. 49].

Автор данной работы затрагивает практически всю довольно обширную историю проникновения, распространения и эволюции несторианской традиции среди китайского и монгольского этносов во Внутренней Монголии, на современный период находящейся в составе Китайской Народной республики как Автономный район Внутренней Монголии. Однако хронологический рамки монографии проникают в далекое историческое прошлое вплоть до определения происхождения термина «несторианизм» и раннего его употребления как религиозного феномена. Как утверждает сам автор, «несторианские реликты» представляют собой великое множество «черно-белых образов», которые не всегда можно

адекватно идентифицировать, поэтому многие негативные и неадекватные позитивные «образы» так и не вошли в данное сочинение. Работа была написана в Университете г. Ляйдена в Институте синологических исследований Голландии. Кстати, издатель и редактор данной авторской работы, Барендтер Хаар, руководил научно-исследовательской и полевой работой Тжаллинг Хальбертсма. В своем исследовании «По поводу термина «несторианизм» и ранне-китайские христианские термины» Тжаллинг Хальбертсма рассматривает термин и феномен несторианства, как понятие, существующее в те далекие времена, а также транслитерирует и интерпретирует собственно христианские термины, существовавшие в течение Танского и Юаньского периодов. Тжаллинг во введении к своей работе сетует, что было очень сложно транскрибировать и транслитерировать китайские и монгольские надписи на каменных стеллах, которые исследовались как реликты раннего христианства во Внутренней Монголии. Также автор не без сарказма подчеркивает, что исследования по данной тематике на китайском языке скорее дискриптивны (носят описательный характер), нежели интерпретативны (несут в себе некий аналитический контент). Предваряя свой исследовательский труд, автор подчеркивает, что в работе преследовались две практические цели: необходимость в дальнейшей фиксации и документации все еще существующего фактологического материала на территории Внутренней Монголии и интерпретация уже описанного дискриптивного материала в этом же регионе. Часть монографической работы посвящена культурно-антропологическим методам исследования – таким как метод интервьюирования со скотоводами монгольского происхождения на предмет анализа – как кочевники оценивают прошлое феномена адаптации несторианской культуры их предками. Работа сопровождается достаточно большим иллюстративным материалом реликтовых памятников несторианства на территории Внутренней Монголии, дополнена картами их расположения, а также сопровождается картами их распространения [5, с. 287–349]. Следующая очень важная этническая группа, исповедующая раннехристианское несторианство, на рубеже X–XIV вв. фиксируется в регионе Семиречья на юго-восточной стороне озера Байкал. В настоящее время это Кыргызстан. Об этом свидетельствует тот факт, что в нач. XX в. российские археологи обнаружили большое количество надгробных могильных плит декорированные крестами, цветами лотоса с надписями древнесирийской графики и на сирийском, тюркском языках по двум сторонам могильных плит [5, с. 34].

Ислам на территории Евразийского пространства появляется достаточно поздно, однако его миссионерская деятельность в средние века была довольно успешна, о чем свидетельствуют некоторые фактологические данные наших полевых исследований: хотоны Внутренней Монголии КНР, ведущие достаточно обособленную социальную и хозяйственную деятельность, современные этнические монголы Монголии, мусульманские диаспоры в Бурятии и т.д.

Известный монгольский ученый Ш. Бира в своей речи на открытии Центра монголоведных исследований А. Мостарта в Улан-Баторе произнес: «История монголов не может быть правильно объяснена, если мы не знаем истории наших культурных и религиозных контактов и взаимодействий с другими цивилизациями. Мы должны изучать неизвестные страницы нашей истории, которые

включают не только наше прошлое, но также и настоящее, и будущее». В своем докладе на тему «Монголы и христианство», он подчеркнул, что монгольские народы в контексте своей долгой и удивительной этнической истории были адептами не только буддизма, но также пытались адаптировать к своим этнокультурным и религиозным традициям и другие мировые религиозные системы [4, с. 355].

На обширной территории евразийских степей среди кочевников фиксируется также такой уникальный религиозный феномен как манихейство. Манихейство – религиозная традиция ближневосточного происхождения, представляющая синтез иудейско-вавилонско-персидских религиозных воззрений, основанных на теории добра и зла, света и тьмы. Однако трансляционные возможности манихейских миссионеров и степень аккумулятивной потенции адептов оказались не столь успешными, как, например, буддийские и христианские.

Литература

1. Абаева Л. Л. Религиозная культура монгольских народов в пространстве и времени // Монголика. – Улан-Батор, 2014. – С. 20–25.
2. Абаева Л. Л. Буддизм в контексте письменной культуры монгольских народов // Власть. – М., 2015. – № 9. – С. 94–98.
3. Абаева Л. Л. Buddhist Culture along the Great Silk Way // Proceedings of the Chinese Fourth International Symposium on Mongolian Studies. Inner Mongolia Academy of Social Science. Chinese Association for Mongolian Studies. – Huhhot. China. – С. 553–559.
4. Бира Ш. The Mongols and Christianity. Монголын Тэнгэрийн Узэл, Mongolian Tengerism. Туувэр Зохиол, Баримт бичгүд. Selected Papers and Documents. – Улаанбаатар, 2011. – 482 с.
5. Tjalling H. F. Halbertsma, 2008. Early Christian Remains of Inner Mongolia: Discovery, Reconstructions and Appropriation: edited in “Sinica Leidensia”. – 2008. – Volume 88, edited by Barend J. ter Haar. – 359 p.

WORLD RELIGIONS IN ETHNO GEOGRAPHICAL AND CIVILIZATIONAL SPACE OF EURASIA: MIGRATORY, ADAPTIVE AND TRANSFORMATIONAL OPPORTUNITIES

Lubov L. Abaeva

DSc in History, Professor

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB of RAS

E-mail: luba-abaeva@mail.ru

The religious culture of monks of the Eurasian steppes before their adaptation and adaptation the different forms of the world religions, i.e. before penetration of such world religions as Buddhism, Christianity and Islam, to some extent, carried general typological characteristics relating to their social, economic and political features, lifestyle, climate, life support systems, standards of daily behavior, etc. Historical interaction of numerous ethnic substrata of the Great Steppe (Turkic peoples, Manchurians, Mongols, etc.) and their cultural traditions promoted not only to enrichment and synthesis concrete religious traditions and views, but also, as well, inspired the evolutions of their religious culture from the lowest forms to the highest, underlining and characterizing the development and improvement of all the religious system of the people of Inner Asia. Continuity of the most general paradigms of the religious culture of this region and their historical stability were dialectically combined with the processes of their forward development in which the experience of the previous stages, all the achievements weren't rejected, and have remained and synthesized in complete system of the religious consciousness and behavior.

Keywords: migration flows, adaptation, nomads, world religions – Buddhism, Christianity, Islam, Manichaeism in an area of dwelling of the nomadic culture